В.Р. Аронов

СТАТЬИ АДОЛЬФА ЛООСА ОБ АРХИТЕКТУРЕ И ДИЗАЙНЕ (1898–1924)

В продолжение анализа творчества Адольфа Лооса автор приводит основные принципиальные статьи архитектора, касающиеся творческих, художественных и этических проблем формирования повседневной предметно-пространственной среды.

As a continuation of the analysis of the creative work of Adolf Loos the author compiles a set of the basic principal articles of the architect considering creative, artistic and ethical problems of everyday architectural and object environment.

Ключевые слова: Адольф Лоос, орнамент и преступление, архитектура, декоративное искусство, мебель, художественно-промышленное образование.

Keywords: Adolf Loos, ornament and crime, architecture, decorative art, furniture, art-and industries education.

1. ПОТЕМКИНСКИЙ ГОРОД
(Июль 1898)

Кто не знает деревень Потемкина, сооруженных на Украине по велению императрицы Екатерины? Деревни на холсте и картоне, появившиеся лишь для созерцания знатными особами других имперских домов процветающего пейзажа.

Но можно ли создать целый город по воле одного всесильного правителя? На это способны лишь в России! Однако город, о котором я говорю, — наша драгоценная Вена, которую возмечтал преобразить ее покровитель. Это тяжкое обвинение, доказать которое мне будет,

вероятно, очень трудно. Поскольку для этого нужна аудитория с обостренным чувством справедливости. К сожалению, в нашем городе она еще слишком мала.

Любой, кто встает в позу, чтобы выглядеть импозантней, чем есть на самом деле, сначала взлетает вверх, но затем падает, вызывая всеобщее неуважение, и хорошо, что никто еще не пострадает.

Но если кто-то попытается подражать этому сомнительному эффекту? Можно сказать, что существуют страны, где подобная участь постигла таких людей. Только где-то далеко, но не в Вене. Лишь немногие обеспокоены этим, чувствуя, что происходит нечто аморальное, от чего кружится голова. Это — не демонстрировать поддельную цепочку часов как дорогую и не разукрашивать фасад жилого дома: имитация проникает в него и внутрь, в квартиры. Сегодня многие у нас хотят казаться импозантней, чем они есть.

Когда я иду по бульварному кольцу Вены, появляется ощущение, что здесь потрудился современный Потемкин, желающий заставить кого-то поверить, что они будут жить в Вене, наполненной благородными улучшениями.

Какая бы ни была Италия в эпоху Ренессанса с ее дворцами и имениями, созданными власть имущими за счет ограбления простого народа, наши нынешние плебеи претендуют на новую Вену, но только предназначенную тем, кто способен возвести для себя целый дворец с пьедесталом и разухабистым карнизом. Внизу скрыты конюшни, задекорированные под низкий мезонин, а выше — архитектурно украшенные первые этажи для торжественных приемов, над ними — жилые и спальные помещения.

Надо сказать, что, если и не владеть таким дворцом, а просто арендовать там и жить где-то наверху, то это нравится венским любителям острых ощущений.

Простой человек, у которого на последнем этаже одна комната и, может быть, кабинет, переполнен ощущением, что совершил набег на феодальное великолепие, и начинает важничать, созерцая свой жилой дом снаружи. Чем он отличается от демонстрирующего фальшивку из сверкающего блеском стекла? Настоящий жулик!

Мне возразят, что я ошибаюсь в оценке намерений улучшить внешний

вид Вены, утверждая, что архитекторы виноваты и не должны были так строить. Я обязан взять под защиту художников, потому что каждый город имеет тех архитекторов, которых он заслуживает. Происходящее регулируют спрос и предложение. Строят то, что больше всего хочет верхушка населения. И вполне возможно, самым эффективным станет изданный когда-нибудь сверху приказ о преодолении отрыва от реальной жизни.

Но в это время другие создают из всего этого школу. Затем — строите так уже потому, что все привыкли. И вы должны так строить.

Тем временем предприниматели в области строительства предпочли бы гладкий фасад сверху донизу. Меньше всего расходов. И это был бы самый верный, самый правильный, самый артистичный подход. Но жители не захотели бы переезжать в такой дом, поэтому заказчик вынужден просто прибить к дому фасад. Да, просто-напросто пригвоздить! Потому что ренессансные и барочные дворцы имитируют дорогие материалы, из которых они выполнены. Сегодня они в открытую притворяются камнем, как римские и тосканские дворцы, все сделано наскоро с помощью штукатурки, подражая барочным зданиям, отделанным камнем и деревом. И это не все: их декоративные элементы, их консоли, венки из фруктов, разные клубни и стрелы прикреплены к основе здания с помощью цемента. Конечно, эти технологии начали применять только в нашем веке, здесь у нас имеется приоритет.

Мне скажут, что это не имеет значения, ведь цемент скрыт за формами, которые не отличишь по текстуре от дорогих материалов. И именно поэтому и нет никаких технических трудностей выполнить нужный заказ. Так что — в путь! Но задача настоящего художника — освоить новые формы для новых материалов. Найти его язык. Все остальное — подражательство. Это совсем не то, что придумывают в Вене в нынешнюю эпоху.

Всем даже понравилось имитировать дорогие материалы с такими незначительными затратами, считая это удачным парвеню без опасения головокружения. Стремление легкими средствами пробиться в аристократию предполагает, что нужно тщательно выдерживать внешний вид. С помощью модного покроя рубашки, хотя и поддельного, но все-таки мехового воротничка и всех остальных имитаций дорогих

вещей можно добиться своей цели. Только те, кто стоят над ними, уже успели преодолеть стадию парвеню. Они знают, что за этим это стоит, с улыбкой глядя на столь бесполезные усилия. И со временем парвеню выступает на первый план и бросается в глаза. Вскоре чувствуется, насколько поддельны его друзья, которые казались подлинными друзьями. Ощущающие это отказываются от всего этого поддельного украшательства.

Бедность — это не позор. Не у каждого может быть феодальная усадьба. Однако заставлять остальных имитировать владение ею не просто смешно, а аморально. Нам стыдно жить в доме со многими другими, если мы социально не такие же! Стыдно, что никого не волнует использование материалов, которые имитируют дорогие строительные материалы! Стыдно, хотя не факт, что люди конца девятнадцатого века хотят жить в таких домах, подражающих прежним временам! И тогда вы увидите, как мы ждем собственный архитектурный стиль нашего времени.

Поэтому мы будем все равно возражать. Я имею в виду, что мы будем добиваться такого стиля зданий, который с чистой совестью оставим потомкам в далеком будущем и его с гордостью примут. Но этот архитектурный стиль в Вене еще не найден в наши дни.

Выбираете ли вы здания, нарисованные на холсте, картоне, в виде разноцветных деревянных хижин (где якобы обитают счастливые пейзане), которые сродни домам из кирпича и литого бетона, разукрашенные как каменные дворцы, где живут феодалы, но на самом деле ими не являются? Венская архитектура нынешнего века стала возродившимся призраком Потемкина.

Перевод В. Аронова

2. ОРНАМЕНТ И ПРЕСТУПЛЕНИЕ (1910)

Известно, что эмбрион человека проходит в чреве матери все фазы эволюции мира животных. Впечатления от внешнего мира у только что родившегося ребенка такие же, как у щенка. В детские годы ребенок проходит через все этапы развития человека: в два года его чувства и

умственное развитие такие же, как у папуаса; в четыре года — как у германца древних времен. В шесть лет он воспринимает мир глазами Сократа, в восемь — глазами Вольтера. В восемь лет он уже различает фиолетовый цвет, открытый в XVIII веке. До этого фиалки считались голубыми, а пурпур — красным. В наши дни физики обнаружили в спектре солнечного луча новые цвета и дали им даже названия: однако лишь будущие поколения сумеют их воспринимать…

Если первооснова искусства остается неизменной, то его проявления меняются с ходом времени; современный человек, ощущающий потребность размалевывать стены, — или преступник, или дегенерат. Такая потребность является нормальной у ребенка, пытающегося дать выход своему художественному инстинкту, набрасывая рисунки эротического характера. У взрослого современного человека это было бы патологическим признаком.

Я сформулировал и провозгласил следующий закон: с развитием культуры орнамент на предметах обихода постепенно исчезает. Я рассчитывал, что доставлю этим своим современникам радость; они меня даже не поблагодарили. Совсем наоборот; их эта новость огорчила; они были удручены мыслью, что лишены возможности <сотворить> какой-либо новый орнамент. Любой негр, люди всех племен и времен придумывали орнаменты, и только мы, люди XIX века, на это не способны! И, действительно, жилые дома, мебель и предметы обихода, лишенные каких-либо украшений, построенные или сделанные людьми прошлых веков, не были сочтены достойными для сохранения: они пропали. Не сохранился ни один столярный верстак времен Каролингов. Зато любую дощечку, украшенную каким-либо орнаментом, подбирали, очищали, о ней заботились и строили настоящие дворцы, чтобы сохранить эту гнилушку; а мы прогуливаемся среди витрин и краснеем от стыда, от своего бессилия. Мне говорили: «Каждый век обладал своим стилем; неужели только у нас не будет своего стиля?» Говорят о стиле, а подразумевают орнамент…

Больше того, я, пожалуй, принял бы участие во всех попытках искусственно возродить орнамент, если бы это касалось только вопросов эстетики. Но такие попытки обречены уже при своем зарождении: никакие силы во всем свете, даже государственная власть, не могут

остановить развитие человеческой культуры. Все подчинено времени. Что меня приводит в бешенство, так это не ущерб для эстетики, а экономический урон, к которому приводит смехотворный культ прошлого. На изготовление орнаментов изводят материалы и деньги, растрачивают человеческие жизни. Вот подлинный вред, вот преступление, перед которым мы не имеем права стоять сложа руки. [...]

[...] Орнамент, утеряв всякую органическую связь с нашей культурой, перестал быть средством ее выражения. Орнамент, который создается в наши дни, не является больше произведением живого творчества определенного общества и определенных традиций; это растение без корней, не способное расти и размножаться…

Создатели орнаментов и фабриканты не оспаривают справедливости этого закона; они стремятся использовать его к своей выгоде. Они считают покупателя, которому приходится менять обстановку своей квартиры каждые десять лет, отличным покупателем. Для них покупатель, приобретающий новую мебель только тогда, когда старая уже вышла из строя, — плохой покупатель. Моды, которые скоро надоедают, быстрая смена всяких недолговечных «стилей» выгодны для промышленности и обеспечивают работой миллионы рабочих…

Логическим следствием искусственного возрождения всяческих украшений явилось бы исчезновение доброкачественных изделий, использование недолговечных материалов. Следует отметить, что «творения» в стиле «модерн» в меньшей степени невыносимы, когда они выполнены из дешевых материалов… Я могу допустить, чтобы фантазия художников-декораторов нашла себе применение в выставочных павильонах, рассчитанных на постройку и снос за несколько дней. Однако… высшей степенью уродства отличается современный орнамент, выполненный с привлечением дорогих материалов и рабочих высокой квалификации. Нет ничего более отвратительного, чем вещь, рассчитанная на кратковременное использование, но производящая впечатление долговечной; попытайтесь себе представить не знающую износа дамскую шляпку или всемирную выставку с павильоном из белого мрамора…

В эпоху слабого проявления индивидуальностей наши предки старались показать свою оригинальность в одежде. Мы стали более

скромными. Мы не выпячиваем свою личность; мы маскируем ее общим для всех обликом современной одежды. Современный человек, в зависимости от личного вкуса, признает или отвергает орнамент древних или экзотических цивилизаций. Но он не создает новые. Он приберегает свою изобретательность, чтобы использовать ее в других целях.

Перевод В. Калиша

3. ОРНАМЕНТ И ОБРАЗОВАНИЕ (1924)

Все мы знаем, что каждый ребенок — гений. Но изобретательность папуасской девочки, шестилетнего ребенка, сегодня бесполезна для человечества. Что можно сделать с помощью современных уроков рисования?.. Сколько родителей заставляют верить в художественное призвание своих детей по результатам этого современного метода!..

Истинный архитектор — это человек, который вообще не рисует, поэтому он не может выразить свое психическое состояние своим инсультом. То, что он называет рисованием, — это попытка дать понять себя ремесленнику…

Все объекты, которые мы называем современными, не имеют орнамента. Наша одежда, наши машины, наши изделия из кожи и все предметы повседневного пользования больше не украшают после Французской революции. Но то, что нравится женщинам, — это особый разговор…

Двадцать шесть лет назад я утверждал, что с развитием человечества на утилитарных вещах орнамент исчезает, что происходит непрерывно и последовательно и так же естественно, как и потери в завершающих слогах разговорного языка. Однако я никогда не имел в виду то, что пуристы довели до абсурда, — будто орнамент следует систематически и последовательно отменять. Это нужно только там, где он когда-то исчез и не может быть снова навязан, — как человек никогда не вернется к татуировке своего лица.

Существование вещи зависит от продолжительности материала, из которого она изготовлена, а его современная ценность — его прочность. Когда я декоративно украшаю вещь орнаментом, то

сокращаю ее жизнь, потому что подчиняю ее преходящей моде и она должна устареть раньше, чем заложенная в ней функция. Это — убийство материала, и его спасает только то, что он поддерживается только настроениями и амбициями женщин — ведь украшение будет жить вечно на службе у женщины. Такие объекты, как ткани или обои, срок использования которых ограничен, могут, поэтому, быть украшены…

Наше образование основано на классическом образовании. Прежние архитекторы — каменщики, которые выучили латынь. Современные архитекторы, похоже, говорят на эсперанто. Их занятия базируются на классическом орнаменте.

Классическое обучение, несмотря на многообразие языков и границ, создало общность западной культуры. Отказаться от этого было бы уничтожить это последнее единство…

Классический орнамент играет ту же роль в классе, что и грамматика. Не было бы смысла преподавать латынь по методике Берлица. Латинской грамматике и в дальнейшем грамматике в целом мы обязаны строением нашей души, нашего мышления. Классический орнамент порождает формирование наших повседневных предметов, порождает нас и наши формы и, несмотря на этнические и языковые различия, объединяет общность форм и эстетических концепции.

Перевод В. Аронова

4. ОТМЕНА МЕБЕЛИ (1924)

Дорогие друзья, я хочу открыть вам секрет: современной мебели нет!

Или, точнее, только перемещаемой в пространстве современной мебели. Вся встроенная в стены мебель не мобильна, и, как следует из этого, привычной мебели приходит конец: сегодня уже стали нужными сундук и шкаф, застекленная горка для посуды и буфет. Вы этого не знали? И из этого возникают все ошибки. Утверждают, что шкафы и буфеты были и остаются вполне современными во все времена, их разработали в соответствующем стиле, и задача только в том, чтобы сделать все эти вещи современными по внешнему виду. Это ошибка, потому что сегодня, кажется, не существует препятствий

сделать их современными. Но вся эта мебель, предназначенная для хранения, загромождает пространство. Будь то буфет с фарфором или платяной шкаф. Такая мебель для хранения вещей была признаком благородного образа жизни. Обеспеченность семьи подтверждалась сундуками и коробками, встречавшими посетителей. В таком буфете демонстрировалось стекло, фарфор и весь запас серебряных изделий домовладельцев. Это замечательно выглядело! Словно высокий алтарь, возведенный в лучшем месте столовой, а в его самом сакральном месте, что-то вроде скинии, красовался хрусталь.

Я всегда говорил своим ученикам: чем обычнее семья, тем богаче и массивнее у ней буфет. Конечно, во времена императоров такого не было! Там был большой и богатый шведский стол.

Теперь домохозяйка, если она не гонится во всем за модой, с тревогой спрашивает, где ей все это хранить? Но по пути из кухни в столовую достаточно свободных стен, пространств под подоконниками и разных ниш, которые, если их закрыть простыми деревянными дверцами, могут обеспечить ей гораздо более практичный способ хранения изделий стекла и фарфора, чем громоздкий буфет. Крупная посуда и тарелки не должны храниться на виду. Еще более неудобно хранить одежду в шкафах, которые созданы, в основном, для придания интерьеру ощущения роскоши или показного богатства. Запомните, что массивный шкаф был ни чем иным, как монументом из дорогого камня. Теперь представьте себе диссонанс между шкафом как почетным местом хранения вещей и нашей современной одеждой. Стенки гардероба покрыты резьбой и инкрустацией, а одежда в нем простая. В арсенале французского придворного на его одежде красовались блестящие пуговицы; это была дань духу того времени, с его кофрами и шкафами, способными возвысить их владельцев над прозой жизни благодаря богатой отделке шкафа и его драгоценного содержимого.

Но, друзья, неужели вы не чувствуете, что такое отношение к сегодняшнему человеку — непристойное бесстыдство?

Архитекторы, я имею в виду современных архитекторов, должны быть сегодняшними, современными людьми. Изготовление мебели отдано на откуп столярам и рисующим для них эскизы. Они делают подчеркнуто красивую мебель. Мебель современную, как наша обувь

и одежда, как наши кожаные чемоданы и наши автомобили. Но, конечно, вы не можете показать на свои штаны и заявить, что они в духе веймарского Баухауса!

Несовременные люди сегодня в исчезающем меньшинстве. Это, в основном, архитекторы. В школах прикладного искусства их разводят искусственно. Действительно, странное дело — хотеть людей в наши дни насильно возвратить в прошлое время. Но нельзя смеяться над ними, это принесло бы к еще больший вред.

Что должен делать действительно современный архитектор?

У него есть возможность строить дома, где вся мебель не загромождает пространство, исчезая в стенах. Независимо от того, возводит ли он новые здания или перестраивает их.

Если бы архитекторы всегда были современными людьми, тогда во всех их домах уже были бы стенные шкафы. Английский шкаф ушел в прошлое. Во Франции строили буржуазные дома с массивными шкафами вплоть до семидесятых годов девятнадцатого века. Но ложное возрождение архитектуры кабинетного стиля затормозило их движение к новому, так что даже сегодня в Париже строят дома без стенных шкафов.

Кушетки, кровати, столы и стулья с использованием в их конструкции металлических трубок, мягкие кресла и оборудование мест для отдыха, обеденные столы и столы в зонах для отдыха — все это создано новыми мастерами (отнюдь не архитекторами!). Современное — это когда каждый может обустроить свое пространство, как он хочет, по своему вкусу и склонностям. Это и будет современным (как выбор обуви соответствует костюму, шляпе, галстуку и зонтику, хотя мастера, которые их делают, даже не задумываются об этом).

Стены дома возводит архитектор. Здесь он может свободно выразить себя. Как и о стенах, он обязан подумать о мебели. Она не может оставаться мебелью прошлого. Она — часть стен и куда современнее демонстрации внутренностей даже самых модных застекленных шкафов.

Перевод В. Аронова